

- желал обойти острые моменты...» (Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. – М., 1963. – Т. 3. – С. 384).
4. Бузескул, В.П. Исторический процесс по воззрениям греческих историков [Текст] / В.П. Бузескул // Образование: журнал. – СПб. – 1902, ноябрь. – № 11. – С. 36.
 5. Там же.
 6. Бузескул, В.П. История афинской демократии [Текст] / В.П. Бузескул. – СПб., 1909. – С. 72.
 7. Там же. – С. 28.
 8. Бузескул, В.П. Характерные черты научного движения в области греческой истории за последнее тридцатилетие [Текст] / В.П. Бузескул // Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1900. – Год 21. Книга II. – С. 62.
 9. Бузескул, В.П. Введение в историю Греции [Текст]: лекции / В.П. Бузескул. – Харьков, 1903. – С. 191, 193.
 10. Там же. – С. 297, 298.
 11. Там же. – С. 324, 325.
 12. Там же. – С. 353-355.
 13. Там же. – С. 343.
 14. Там же. – С. 106; Он же. История афинской демократии. – СПб., 1909. – С. 407, 408.
 15. Бузескул, В.П. Исторический процесс ... [Текст] / В.П. Бузескул. – С. 35.
 16. Бузескул, В.П. Перикл: историко-критический этюд [Текст] / В.П. Бузескул. – Харьков, 1889. – С. 402, 403.
 17. Бузескул, В.П. «Всемирная история» Ранке [Текст] / В.П. Бузескул // ЖМНП. – 1885. – Июль. – С. 241.
 18. Там же. – С. 242.
 19. Там же. – С. 233.
 20. Там же.
 21. Там же. – С. 235.
 22. Бузескул, В.П. Исторический процесс ... [Текст] / В.П. Бузескул. – С. 35.
 23. В рецензиях на исследования В.П. Бузескула нередко в числе их неоспоримых достоинств называются те, которые он сам отмечал в сочинениях Л. Ранке и наличие которых с воодушевлением приветствовал в образцовых публикациях зарубежных антиковедов. Так, С.А. Жебелев в рецензии на «Историю Афинской демократии» отмечает: «Везде В.П. Бузескул умел подметить и подчеркнуть существенное и характерное... Везде рассказ течёт плавно и ясно, строго объективно; личность самого автора, его “я” не доминирует над излагаемыми им фактами и соображениями, но и не остаётся подавленным и поглощённым ими... Книга лишена каких бы то ни было тенденций... претензий в пользу автора и в ущерб трактуемому сюжету». Обращается внимание также на «безукоризненность... метода обработки» источников и их основательную проработку, продуманную логику изложения как общих, так и частных вопросов, что позволяет войти “в самую суть исторического построения”» (ЖМНП. – 1909. – Май. – С. 199-204).

В.В. Жарков

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ РККА В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Рассмотрены основные направления организационно-теоретического усовершенствования системы подготовки партийно-политических кадров РККА в 20-30-е годы XX века, дана характеристика изменениям, произошедшим в штатной структуре центральных и местных отделений военно-политических органов; оценены существовавшие формы военно-административной системы в СССР.

V.V. Zharkov

POLITICAL AUTHORITIES OF THE RED ARMY IN 20-30 OF THE XX CENTURY

The basic directions of organizational-theoretical improvement of the system of preparation of party-political staff of the Red Army in 20-30 years of the XX century are considered, the characteristic is given to the changes which have occurred in the regular structure of the central and local branches of military-political authorities; existed forms of military-management system in the USSR are estimated.

Созданный в армии во время Гражданской войны политический аппарат и партийные организации явились активными проводниками влияния партии на красноармейские массы. В период военной реформы произошло дальнейшее укрепление политорганов.

Одним из основных мероприятий, проведенных во время военной реформы, было сокращение штата Политического управления с 894 человек на 1 января 1922 г. до 118 человек в ноябре 1924 г.

28 марта 1924 г. Политуправление Реввоенсовета было переименовано в Политическое управление РККА (ПУРККА). Права и обязанности данного управления были четко определены Положением о ПУРККА, утвержденным 7 сентября 1925 г.

Главной задачей ПУРККА являлось «руководство партийной, политической и политико-просветительской работой во всех частях, учреждениях и заведениях РККА, а также военно-политической подготовкой трудящихся, проходивших военное обучение вневоинским порядком на территории СССР».

Политическое руководство ПУРККА осуществляло через политорганы округов, флотов, армий, дивизий и т.п. На политорганы возлагалась полная ответственность за воспитание и боевое сплочение личного состава. В принятом на XIV Съезде партии в декабре 1925 г. новом Уставе партии впервые введен раздел «О парторганизациях в Красной Армии», который окончательно закрепил структуру, права и обязанности партийных и политических организаций.

Как отмечалось ранее, в результате военной реформы улучшилась организационная структура Красной Армии, ее боевая и политическая подготовка, что повлияло и на развитие политорганов.

К 1 апреля 1925 г. политический состав РККА насчитывал 14 807 человек (средний состав – 9 572, старший состав – 3 837, высший состав – 1 398 человек), что составляло 20,3 % общей численности начсостава и 2,9 % всего личного состава РККА.

Все более актуальной становилась необходимость установления единой для всей армии системы подготовки политсостава в войсках. Приказом ПУРККА № 139 от 23 июля 1925 г. было принято к руководству «Положение о единой системе текущей подготов-

ки политпросветработников РККА». Согласно этому документу подготовка политработников в войсках разделялась на два вида:

- первая, повседневная (инструктивные и методические совещания всех типов);
- вторая, периодическая (семинары работников различных категорий в ротном, полковом и гарнизонном масштабе).

Положение четко определяло мероприятия, их периодичность по всем видам текущей подготовки в каждом звене [1].

15 марта 1926 г. Приказом ПУРККА № 3 была впервые введена единая дифференцированная система военной подготовки политического состава [2].

К началу 30-х гг. в армии существовали серьезные проблемы, которые необходимо было срочно решать. Готовность Красной Армии была на недостаточном уровне. В Постановлении Реввоенсовета СССР от 8 января 1930 г. отмечался ряд таких проблем:

- во-первых, несоответствие системы комплектования мирного и военного времени, несоответствие дислокации мобилизационных контингентов дислокации войск;
- во-вторых, неудовлетворительная боеготовность отмобилизованных частей;
- в-третьих, недостаточное обеспечение мобилизации тыловых частей и учреждений [3].

Существовали недостатки и в системе политической работы, а частности в работе политорганов. Все вышеперечисленные мероприятия, проведенные военным руководством страны в 20-е гг., были недостаточны для поднятия идейно-воспитательной работы до необходимого уровня. Поэтому перед руководством страны открыто стояла задача совершенствования и усиления политической работы в войсках.

ЦК ВКП(б) постоянно изучал ход и результаты политического воспитания воинов, подводил итоги этой работы и намечал новые задачи. За короткое время был принят ряд постановлений, касающихся политической работы в РККА. Так, 30 октября 1928 г. увидело свет постановление «О политикоморальном состоянии Красной Армии», 25 февраля 1929 г. – «О командном и политическом составе РККА» и др.

В первом постановлении ЦК ВКП(б) отмечалось, что на практике возникают кон-

фликты между командирами и политработниками. Эти трения являлись результатом недостаточно четкого разделения функций командно-политического состава. Также в постановлении были выдвинуты предложения по усилению всей системы воспитания в Красной Армии, особенно ее командного и красноармейского состава.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1929 г. «О командном и политическом составе РККА» говорилось: «Центральный Комитет предлагает политорганам, партийным организациям и партийному начсоставу Красной армии в условиях нынешнего периода с особой последовательностью продолжать воспитание Красной Армии, ее командного и красноармейского состава в духе беззаветной преданности Советской власти, бдительности и классовой непримиримости» [4].

Это требование партии легло в основу приказов и директив наркома обороны и начальника ПУРККА. Например, в директиве ПУРККА «О воспитательной работе и политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами РККА в 1939/40 учебном году» говорилось, что главной задачей подобной работы является воспитание пламенного патриота социалистической Родины, беспредельно преданного делу партии, политически грамотного, готового в любую минуту с достоинством и честью защищать с оружием в руках нашу великую Родину [5].

Для практической реализации данной директивы ЦК ВКП(б) обязал провести ряд мероприятий, целью которых являлось:

- а) обеспечение роста военного и политического уровня начсостава Красной Армии, укрепление рабочего и партийного ядра в комсоставе;
- б) усиление внимания к укомплектованию военных школ квалифицированными кадрами, улучшение учебного процесса и повышение общеобразовательной подготовки кандидатов в вузы;
- в) повышение политического воспитания младшего командного состава;
- г) укрепление партийно-политического воспитания и военной выучки политсостава [6].

В 1929 г. были подведены итоги за восемь последних лет по подготовке и воспитанию командного состава, которые были определены в постановлении ЦК ВКП(б) от 15

июля 1929 г. «О состоянии обороны СССР». В нем говорилось: «В настоящее время Красная Армия имеет надежный, политически устойчивый, классово выдержанный, с хорошими боевыми качествами начсостав. Это явилось результатом тщательной чистки начсостава от чуждых, политически неустойчивых и антисоветских элементов благодаря напряженной работе по классовому отбору, воспитанию, переподготовке и поднятию его политического уровня» [7].

В партийно-политических документах того времени постоянно подчеркивалось, что развитие политорганов в армии и флоте, партийных и политических организаций Вооруженных Сил происходит в правильном направлении и без особых проблем.

На самом деле, проблем было более, чем достаточно, и они серьезно затрудняли решение задач обучения и воспитания личного состава.

Наиболее серьезной проблемой являлся значительный некомплект политсостава. Это было обосновано снижением статуса политработников, которые после введения в РККА единоначалия становились только помощниками командиров-единоначальников (а не равноправными соуправителями – комиссарами, как раньше).

Большая часть политработников, в достаточной мере овладевшая военным делом, постепенно переходила на командную работу. Эту убыль политсостава не поправил совокупный выпуск всех политических военно-учебных заведений СССР. Серьезный ущерб политорганам был нанесен в связи с переходом на командные должности квалифицированных политработников с большим стажем политической работы.

Только в 1931 г. на командные должности были назначены 843 политработника. В том числе: 800 человек – командирами рот, батарей; 33 человека – командирами полков и батальонов; 10 человек – командирами дивизий, бригад, начальниками военных школ.

Кроме того, 180 политработников, готовясь перейти на командную работу, поступили в высшие военные учебные заведения соответствующего профиля [8].

Новые требования к политической работе и политработникам предъявляли перевооружение и оснащение Красной Армии новой техникой. Начальник ПУРККА Я.Б. Га-

марник писал: «... надо ухватиться за важнейшее звено – за технику... От армии, больше чем когда бы то ни было, надо требовать – овладеть техникой, научиться управлять ею, все выше поднимать техническую культуру бойца, командира и политработника» [9].

Низкий уровень технической грамотности политсостава приводил к тому, что организация политической работы в технических и специальных войсках была также на низком уровне. Опыт маневров 1929 г. показал, что, как правило, политотделы, которым придавались в политическое обслуживание спецчасти, руководили ими очень слабо, а в отдельных случаях (на некоторых этапах боевой обстановки) и вовсе не руководили. Как отмечалось в обзоре итогов учебно-тактической подготовки за 1929 г. в Белорусском военном округе, политотделы не учитывали особенности работы в танковых и механизированных частях и соединениях.

В ходе тактических занятий и маневров политорганы не успевали выполнять свои функции из-за быстроменяющейся обстановки. Слабой была и их связь со штабами соединений. Нередко политорганы во время учений посылали в моторизованные части инструкторов, недостаточно знакомых с боевой техникой. Все это значительно снижало уровень влияния на личный состав в процессе боевой подготовки.

Сложилась такая обстановка, что к началу 1930 г. имели военное образование только 76,5% высшего комсостава, 85,6% – старшего, 66,7% – среднего. С политическим образованием дело обстояло еще хуже: его имели 70,2% высшего состава [10], 54,3% – старшего комсостава, 46,1% – среднего комсостава.

Общий уровень военно-теоретической подготовки политсостава был низким. Это было связано со снижением требований к поступающим в военно-политические учебные заведения. Часто применявшийся ограниченный срок обучения также снижал уровень военной и политической подготовки молодых политработников. По данным ПУРККА, выпускники военно-политических училищ, курсов имели низкий профессиональный и военно-технический уровень подготовки [11].

12 декабря 1929 г. ПУРККА издало директиву «Готовиться к политработе в боевой обстановке», в которой говорилось: «Осенние

маневры в округах показали, что партийно-политический аппарат не смог быстро перестроить всю работу в соответствии с характером и условиями походно-боевой обстановки. Политаппарат не достиг необходимой мобильности, значительная часть политорганов и партийных организаций не обладает достаточными навыками для быстрого перестроения работы в связи с резко меняющейся оперативно-тактической и политической обстановкой в бою».

В приказе Реввоенсовета № 80 от 24 октября 1930 г. «Об итогах боевой подготовки РККА за 1929/30 учебный год» отмечалось: «Политорганы и организации не подошли еще в плотную и конкретно к вопросам боевой техники. В результате – незнание тактических свойств технических средств и неумение соответственно построить политработу» [12].

На повестку дня был поставлен лозунг (для политорганов) «вернуться лицом к военной технике означало, прежде всего, мобилизовать командный и политический состав на глубокое изучение оружия и техники» [13].

Не случайно в феврале 1930 г. для всех политработников был установлен минимум военных знаний. По докладом в ПУРККА, к концу 1931 г. подавляющее большинство политработников наземных войск успешно сдали экзамены за полный курс военной школы. На самом деле, количество аттестованных было невысоко, так, например, в Уральском военном округе это было 65% всех политработников, в Северо-Кавказском – 60%, в Белорусском – 48% и Ленинградском – 45%.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О командном и политическом составе РККА», принятом 5 июня 1931 г., говорилось: «Отмечая, что за последний период достигнуты некоторые, но пока еще недостаточные успехи в военной подготовке политсостава, ЦК считает совершенно обязательным дальнейшее решительное повышение его военных знаний» [14]. Предлагалось в короткие сроки решить поставленную задачу. В газетах и военных журналах систематически публиковались статьи, разъясняющие требования техминимума, велся постоянный контроль за сдачей зачетов.

Реализация требований данного постановления привела к тому, что к середине 1932 г. почти все политработники освоили

установленный для них минимум военных знаний [15].

Следующей проблемой, серьезно затруднявшей достижение высокого качества политработы в 30-е гг. XX века, являлась крайне низкая обеспеченность органов военного управления, войск и военно-учебных заведений политработниками с высшим образованием. Военно-политическая академия выпускала менее 100 политработников в год (1929 – 93, 1930 – 62, 1931 – 76 человек с высшим образованием необходимого характера) [16].

Этим объясняется тот факт, что среди старшего и высшего политсостава удельный вес выпускников военных академий был незначителен: среди помощников командиров корпусов по политической части лишь 14,3% имели высшее военно-политическое образование, среди начальников политотделов – меньше 20% [17].

Переход многих политработников на командную работу, резкое сокращение выпускников в средних военно-политических учебных заведениях, недостаточный выпуск их Военно-политической академией привели к тому, что уже к концу 1929 г. некомплект политработников в РККА составил 800 человек, а в середине 1930 г. – 1300.

Причиной сложившейся ситуации явилось то, что в августе 1926 г. подготовка политработников среднего звена претерпела коренное изменение: была введена в действие система «смешанной подготовки и прохождения службы» для среднего звена политсостава. По этой системе командиры-коммунисты, получившие среднее военное образование и проработавшие командирами не менее года, поступали на военно-политические курсы, по окончании которых назначались на должности политработников. По истечении некоторого времени они вновь назначались на строевые должности и т.д. [18]. Такая политика не позволяла кадровым военнослужащим сосредоточиться на каком-то конкретном профиле военной службы, снижала престижность политработы, что также вело к недоукомплектованности политсостава.

Неслучайно в 1931 г. было принято решение об отмене системы «смешанной подготовки и прохождения службы». Это был дей-

ственный шаг в направлении преобразования всей системы политической работы.

Для разрешения другой сложившейся проблемы – нехватки политработников среднего звена – политуправление Красной Армии предложило политорганам и партийным организациям частей выдвигать на должности политработников лучших красноармейцев и младших командиров из числа партийного актива. Одновременно была проведена мобилизация среди коммунистов местных партийных организаций (в армию на политработу было направлено 1300 человек).

В феврале 1931 г. при участии ЦК ВКП(б) была проведена повторная мобилизация, которая позволила увеличить состав политорганов еще на 4000 человек. Данная мобилизация привела не только к росту количества политработников, но и способствовала повышению качества политработы в целом. С другой стороны, в связи с приходом коммунистов из местных организаций появилась серьезная проблема, связанная с качеством их военной подготовки. Некоторые мобилизованные из запаса имели слабые военные знания, а основная часть прибывшего пополнения данными знаниями не обладала. Поэтому изучение политработниками военного дела, особенно подготовка их для работы в специальных родах войск, приобрело особенно важное значение.

В 1931 г. в связи с нехваткой политработников и проблемой их военной подготовки ПУРККА приняло меры по увеличению числа курсантов и слушателей в военно-политических учебных заведениях, улучшению учебного процесса в них, подготовке политработников для специальных родов войск.

На заседании Реввоенсовета 17 марта 1930 г. при обсуждении вопроса «О мероприятиях по избежанию существующего некомплекта начсостава в РККА» было предложено при наборе в вузы усилить меры по особо тщательному отбору принимаемых курсантов, чтобы отсеб при обучении не превышал 10%, а также установить первоначальный период (не более 3-х месяцев), в течении которого должен происходить отсеб [19].

В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 июня 1931 г. говорилось: «Военно-учебные заведения – военные школы, курсы усовершенствования и академии – должны стать для всей армии подлинно ведущими центрами в бое-

вой и политической подготовке, в овладении техникой, в военно-научной работе и обеспечивать потребность армии в высококвалифицированном и военно-техническом, и политическом отношении начсоставе» [20].

Была расширена сеть военно-политических заведений, увеличена их емкость. Так, Ленинградские военно-политические курсы с десятимесячным сроком обучения были преобразованы в военно-политическую школу с двухгодичным сроком обучения. Увеличивался не только срок обучения, но и количество обучающихся; так, Московские и Ленинградские военно-политические курсы были доведены до 1 тыс. человек штатной численности.

Параллельно открывались новые военно-политические учебные заведения; так, например, Полтавские военно-политические курсы первоначально создавались из расчета 600 человек; в дальнейшем число обучаемых здесь достигло 1100 человек [21].

Одновременно политуправление Красной Армии значительно расширило численность слушателей Военно-политической академии. Только в 1931 г. прием в нее по сравнению с предыдущим годом увеличился в полтора раза. При академии открылось заочное отделение на 1000 человек, а также вечернее отделение на 200 человек [22]. Кроме того, при академии продолжали работать годичные курсы усовершенствования старшего политсостава на 100 человек и шестимесячные курсы партийно-политической подготовки единоначальников на 100 человек [23].

Для контроля выполнения требований партии и Реввоенсовета в 1931 г. Военно-политическая академия была проверена. 3 марта 1931 г. в постановлении Реввоенсовета «О результатах обследования ВПА им. Толмачева» было отмечено, что академия имеет здоровую парторганизацию, крепко сплоченную на основе генеральной линии партии, хороший преподавательский и слушательский состав (80,7% – рабочие, 75% – участники гражданской войны). Но в ходе инспекции были обнаружены ряд недостатков, в постановлении было отмечено: «Кафедра политработы, имея ряд достижений в развертывании своего теоретического курса, недостаточно обеспечивает подготовку слушателя для практического руководства политработой в

мирное время и совершенно не дает необходимых инструкторских навыков» [24].

В 1931 г. значительное распространение получили двухгодичные вечерние так называемые комвузы, которые начали создаваться еще в конце 1930 г. главным образом в крупных гарнизонах. В комвузах обучался средний командный и политический состав, а также партийные активисты из числа красноармейцев и младших командиров.

Политорганы вместе с повышением военных знаний политработников большое внимание обращали на улучшение (в советском понимании) их социального и партийного состава. Благодаря вышеуказанным мероприятиям, а в частности партийной мобилизации по выдвижению лучших красноармейцев и младших командиров на политработу, рабочая прослойка среди политсостава, особенно в среднем звене, значительно увеличилась. Если в начале 1928 г. среди среднего политсостава рабочие составляли 40%, то в начале 1931 г. их было уже 53%. Возрос также партийный стаж (свыше 5 лет) политработников среднего звена с 64% в 1928 г. до 74% в 1931 г. [25].

В постановлении ЦК ВКП(б) «О командном и политическом составе», принятом в июне 1931 г. относительно укрепления кадров политработников за последние два года, говорилось: «Выросла рабочая прослойка среди политработников, особенно политруков» [26].

Важнейшим преобразованием, произошедшим в рассматриваемый период, стало изменение структуры политорганов.

В июле 1932 г. в политуправлениях округов были созданы секторы по работе в авиации, а в дальнейшем принято решение создать в ведущих округах – Московском, Ленинградском, Украинском, Белорусском – и Особой Краснознаменной Дальневосточной армии секторы по работе в танковых и механизированных войсках.

В апреле 1933 г. по решению ЦК ВКП(б) была перестроена организационная структура политуправления Красной Армии. Существовавшие ранее в политуправлении секторы по работе в авиации, в танковых и механизированных войсках были преобразованы в самостоятельные отделы.

В 1932 г. в учебный план командирской подготовки был введен курс марксистско-

ленинская подготовки. На изучение отводилось 90 часов учебного времени в год. Устанавливалась обязательная сдача зачетов в конце обучения. В его программу входили материалы и решения съездов и конференций ВКП(б); вопросы военного строительства и укрепления оборонной мощи страны; произведения, статьи и речи советских политических лидеров, классиков марксизма-ленинизма; вопросы истории ВКП(б).

Но не во всех частях и подразделениях данное требование было выполнено; так, при инспектировании 1-й Ленинградской артиллерийской школы 28 июня 1933 г. были выявлены следующие факты: «Марксистско-ленинская подготовка начсостава и индивидуальная подготовка с отстающими не налажена... не достаточно обеспечено высокое качество преподавания как по содержанию, так и по методике».

В директиве ПУРККА «О направлении пропаганды в Красной Армии» от 22 июня 1939 г. подчеркивалось, что овладение марксистско-ленинской теорией – не самоцель, а средство укрепления мощи РККА, повышения политико-морального состояния и боевой выучки личного состава частей и подразделений [27].

Ответственность за организацию марксистско-ленинской подготовки политсостава ПУРККА возложило на политорганы по принципу: каждый политорган ведет учебу командиров и политработников низшего войскового звена; так, например, политуправление округа организовывало учебу руководящего звена соединений и т.д. [28].

В сентябре 1933 г. на совещании членов ЦК ВКП(б) выступил И.В. Сталин, который при обсуждении вопроса о характере управления войсками в округе предложил ликвидировать военные советы в округах. Против данного шага выступил Я.Б. Гамарник, который писал в ЦК партии, что военные советы в том виде, как они сложились, необходимо

сохранить, так как их упразднение приведет к снижению уровня руководства Вооруженными Силами.

В июне 1934 г. Реввоенсовет СССР, существовавший как коллегиальный орган руководства Вооруженными Силами, был упразднен. Этим же постановлением ЦИК СССР Народный комиссариат по военным и морским делам был переименован в Народный комиссариат обороны СССР. Народным комиссаром обороны был утвержден К.Е. Ворошилов, его первым заместителем – Я.Б. Гамарник, вторым – М.Н. Тухачевский. В ноябре при Народном комиссариате обороны СССР был создан Военный совет, который выполнял функции совещательного органа, в его состав входило 80 человек. Одновременно были ликвидированы военные советы в округах и армиях. Военный совет Наркомата обороны СССР как совещательный орган прекратил свою деятельность в марте 1938 г. с учреждением Главного военного совета, а позже этот орган и вовсе был ликвидирован.

Для разработки организационной структуры и штатов центральных органов Наркомата обороны СССР на основании утвержденной наркомом схемы обороны были созданы группы по пять человек, которым поручили представить предложения по реформированию штатов и организации управлений. Для работы над преобразованием ПУРККА была назначена группа во главе с заместителем начальника ПУРККА А.С. Булиным [29]. После окончания работы этой группы политическое руководство получило предложения об усовершенствовании системы управления политработой и оптимизации ряда штатных категорий.

Таким образом, в предвоенные годы руководство строительством политорганов носило противоречивый, непоследовательный характер, усугублявшийся проведенной в армии чисткой.

Примечания

1. Политорганы Советских Вооруженных Сил [Текст]. – М., 1984. – С. 116.
2. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 19. – Л. 7.
3. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза [Текст]. – С. 255.
4. См.: «Пропагандист и агитатор РККА» [Текст]. – 1939. – № 2. – С. 38-39.
5. См.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза [Текст]. – С. 255.
6. Там же. – С. 265.
7. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 10. – Л. 216.
8. Красная звезда [Текст]. – 1930. – 23 февраля.

9. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 298.
10. Там же. – Д. 150. – Л. 272.
11. Там же. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 19. – Л. 393.
12. Политорганы Советских Вооруженных Сил [Текст]. – С. 136.
13. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза [Текст]. – С. 263.
14. См.: Петров, Ю.П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918-1968 гг.) [Текст] / Ю.П. Петров. – М., 1968. – С. 231.
15. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 31. – Д. 1. – Л. 51.
16. Подсчитано по РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 150. – Л. 273.
17. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 41. – Л. 4.
18. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 19. – Л. 79.
19. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза [Текст]. – С. 264.
20. См.: Иовлев, А.М. Указ. соч. [Текст]. – С. 112.
21. См.: Там же. – С. 107.
22. См.: Петров, Ю.П. Указ. соч. [Текст]. – С. 232.
23. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 19. – Л. 127.
24. Там же. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 15. – Л. 30.
25. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза [Текст]. – С. 325.
26. Партийно-политическая работа в РККА. – 1939. – № 13. – С. 6.
27. См.: Политорганы Советских Вооруженных Сил [Текст]. – С. 144.
28. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 24. – Л. 18.
29. Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 157. – Л. 207.

Д.Н. Малахов

ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РККА В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Комплексно, на основе современных источников, рассмотрены основополагающие проблемы тылового обеспечения РККА в 30-е годы XX века; ее отдельные элементы (продовольственно-фуражное, ободно-вещевое, техническое снабжение, медобеспечение и пр.); проблемы их взаимоотношений с управленческими и производственными инстанциями; оценены возможности тыла РККА в мирных условиях, в ходе локальных войн и военных конфликтов.

D.N. Malakhov

THE REAR SUPPLY OF THE RED ARMY IN 30 OF THE XX CENTURY

In a complex, on the basis of modern sources, basic problems of rear supply of the Red Army in 30th years of the XX century are regarded; its separate elements (food-feed, train-ware, technical supply, medical supply and so on), their mutual relations with administrative and industrial authorities; opportunities of the rear of the Red Army in peace conditions, during local wars and military conflicts are estimated.

Военно-политическое руководство страны в 30-е годы XX века, осознавая, что система тылового обеспечения не соответствует требованиям времени, стало уделять больше внимания ее организации.

В 1935 г. в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) из Военно-хозяйственного управления были выделены службы продовольственного и ободно-вещевого снабжения со своими органами управления: в центре – Управление продовольственного снабжения и Управление ободно-вещевого снабжения; в округах – отделы этих

служб, в дивизиях – отделения. В полках были введены должности начальника продовольственно-фуражной службы и начальника ободно-вещевого снабжения. Проведенные реформы позволили значительно улучшить обеспечение войск продовольствием и ободно-вещевым имуществом, подготовить эти службы к успешной работе в военное время [1].

9 августа 1935 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О состоянии ободно-вещевого и продовольственного снабжения Красной Армии и Флота». В основу по-